

В вихрях шторма

Экономическая ситуация в странах Евразийского экономического союза, как и во многих других государствах, в 2015 году сложилась непростая. По официальным данным, Россия потеряла 4,6 % валового внутреннего продукта за первые шесть месяцев года, в Беларуси по итогам трех кварталов ВВП снизился на 3,7 %, а в Казахстане – на 1,5 % за 7 месяцев. Еще более серьезно выглядят цифры сокращения экспорта. Только наша страна, например, за три квартала 2015 года по сравнению с аналогичным периодом прошлого года потеряла 8 млрд долларов валютной выручки. В разных СМИ в связи с этим все чаще встречается слово «кризис». Но можно ли так определить происходящие явления? И какими они бывают – экономические кризисы?

Депрессии и рецессии

Экономических кризисов за два века становления и развития мирового индустриального общества произошло много. Они приводили к значительному спаду производства, накоплению нереализованных товаров, падению цен, нарушению системы взаимных расчетов, разорению предприятий, скачку безработицы и обнищанию огромных масс населения. В экономической науке кризисы традиционно определяют как нарушение равновесия между спросом и предложением на товары и услуги, хотя XX и начало XXI века добавили в число характеризующих их причин и последствия масштабных финансовых спекуляций. Самым знаменитым и самым тяжким по последствиям экономическим кризисом в земной истории стала знаменитая Великая депрессия, начавшаяся в США в 1929 году и распространившаяся на Канаду, Великобританию, Германию и Францию. Затронула она и другие страны и продолжалась почти 10 лет – вплоть до начала Второй мировой войны.

Последствия депрессии были крайне тяжелыми. Промышленное производство за время кризиса сократилось в США на 46 %, в Великобритании – на 24, в Германии – на 41, во Франции – на 32 %. Уровень производства в развитых странах был отброшен на 30 лет – к началу XX века. Но еще более ужасающими стали социальные последствия депрессии. В 32 индустриальных странах в 1933 году, по официальным данным, насчитывалось 30 млн безработных, в том числе в США – 14 млн. А ведь, согласно

переписи 1930 года, в этой стране проживало 123,2 млн человек. Многие граждане США в результате кризиса оказались за чертой бедности, от 25 до 90 % американских детей недоедали. В результате резко упала рождаемость. По переписи 1940 года, в США насчитывалось 132,2 млн человек, то есть за 10 лет население выросло на 10 млн, в то время как за предыдущее десятилетие – более чем на 17 млн.

Во время Великой депрессии в полной мере проявилась антисоциальная суть капитализма. Например, из-за сокращения спроса резко упали цены на товары, в частности, на продукты питания. Такая ситуация не стимулировала производство, и тогда излишки продовольствия стали уничтожать. Кукурузное зерно сжигали в топках паровозов, скот забивали и закапывали, пересыпая туши негашеной известью, картофель сбрасывали в реки. И это происходило в период, когда миллионы американских граждан, в том числе дети, голодали! Попытки людей откопать скот или выловить из реки картофель специально нанятые охранники жестко пресекали. Из-за депрессии пострадали и американские банки, обанкротилась почти половина из них. Вкладчики потеряли 2 млрд долларов – огромная сумма по тем временам! Уцелевшие банки по отношению к своим должникам вели себя крайне жестко. Американцев, лишившихся работы и, следовательно, возможности возвращать кредиты, бесцеремонно выбрасывали из квартир. У фермеров забирали землю и дома. Неудивительно, что именно в этот период в США окрепла и набрала силу организованная преступность. Причем

гангстеры и грабители банков становились героями для широких масс. В них видели борцов с ненавистными богачами и их покровителями во властных структурах. Это нашло широкое отражение в американской культуре. Фильмы и книги о лихих 1930-х годах и сегодня популярны в США и за их пределами.

Экономисты и историки до сих пор спорят о причинах Великой депрессии, а также – адекватности мер, предпринятых руководством США по преодолению кризиса. Многие считают, что они были крайне неудачными. Подтверждением их выводов может служить тот факт, что по настоящему Великая депрессия завершилась только с началом Второй мировой войны.

Экономические кризисы продолжили сотрясать мир и после. 1957–1958 годы, 1973-й, когда экономический кризис совпал с энергетическим из-за отказа стран – членов ОПЕК продавать нефть по прежней цене. В результате ее стоимость за год выросла с 3 до 12 долларов за баррель, то есть в 4 раза! Этот кризис, к слову, похоронил

начавшуюся в мире разрядку и привел к новому витку гонки вооружений. 19 октября 1987 года случился «Черный понедельник», когда американский фондовый индекс Dow Jones Industrial обвалился на 22,6 %. Следом рухнули рынки Австралии, Канады, Гонконга. В 1994–1995 годах произошел Мексиканский кризис, а в 1997 году начался Азиатский, в ходе которого ведущие экономики мира укротили и поставили на место быстро растущих азиатских «тигров».

Начало XXI века не изменило ситуации. 2008 год ознаменовался началом нового финансово-экономического кризиса, который экономисты сравнивают по масштабам с Великой депрессией и даже дали ему схожее название – Великая рецессия. По уже установившейся традиции кризис начался в США. Там произошел обвал финансового рынка, спровоцированный масштабными спекуляциями. Подробный и очень жесткий анализ происшедшего в США сделал известный американский экономист лауреат Нобелевской премии по

экономике Джозеф Стиглиц в своей книге «Крутое пике».

Если упрощенно, то ситуация развивалась так. В погоне за сверхприбылями финансовый сектор США надул «пузыри» на ипотечном и фондовом рынках. Кредиты под залог недвижимости в этой стране раздавали направо и налево, нисколько не задумываясь о состоятельности ссудозаемщика. Ведь больше клиентов – больше прибыли. Безработный в США мог запросто прийти в банк и получить деньги на приобретение дома. При этом считалось, что банк не рискует: в случае несостоятельности должника дом, находящийся в залоге, изымут и продадут. Банк даже окажется в прибыли, поскольку недвижимость постоянно растет в цене. Менеджеры кредитных учреждений почему-то считали, что этот процесс будет продолжаться бесконечно. К тому же, по правилам либеральной экономики, банки хеджировали свои риски, то есть для компенсации их проводили операции на другом рынке. Под залог выданных кредитов выпускали ценные бумаги, которым ведущие рейтинговые агентства присваивали высшую степень надежности. Это служило стимулом для инвесторов вкладывать в них деньги. В процесс активно включились спекулянты, которые стали массово покупать и перепродавать ценные бумаги. Их стало не хватать. И тогда на основе базовых ценных бумаг стали выпускать производные, так называемые деривативы. Эти и вовсе представляли собой «воздух», но рейтинговые агентства штамповали на них индексы «супернадежно», и инвесторы несли деньги. К этому «радостному» процессу присоединились и европейские банки.

Таким образом был надут «пузырь», который не мог не лопнуть. Из-за избытка предложения недвижимость подешевела, ведь ее стали строить много. Граждане, купившие дома в кредит, стали массово возвращать их банкам. Ведь точно такие же можно было приобрести дешевле и, соответственно, платить за них меньше. Банки вместо денег получили недвижимость, которую никто не покупал. Пузырь на ипотечном рынке лопнул, а следом пришла очередь ценных бумаг. Банки и инвестиционные фонды стали разоряться один за другим. Немедленно выяснилось, что многие из них предоставляли биржам и

государственным органам недостоверную отчетность, а некоторые внешне солидные бизнесмены и вовсе создали финансовые пирамиды. Миллионы людей потеряли значительные средства, что резко снизило их покупательную способность. Глобальный рынок забуксовал.

Результатом кризиса стало падение в 2009 году мирового ВВП (впервые после Второй мировой войны) и сокращение на 10 % мировой торговли. Накатила волна безработицы. В 2009 году 199 млн человек на планете не имели работы. Причем некоторые европейские страны в этом отношении пострадали особенно сильно. Например, в Испании уровень безработицы превысил 25 %, что даже больше, чем в США в годы Великой депрессии.

Правительства развитых стран экстренными и неординарными мерами пытались погасить кризис. Вот как оценил эти усилия Дж. Стиглиц в своей книге: «Кризис еще не закончился. До этого еще далеко. То, что происходит сейчас, похоже на замедленное крушение поезда: можно увидеть массовые разрушения, которые произошли в тот момент, когда поезд начал совершать поворот на слишком высокой скорости. На данном этапе, когда мы говорим, что меры по спасению сработали, все, в чем мы можем быть уверены, – это то, что нам удалось избежать немедленной катастрофы: глобальная экономика отошла от края пропасти, на которой она покачивалась еще совсем недавно. Однако общее направление движения, мягко говоря, является неопределенным... Общее состояние мировой экономики остается нестабильным».

Нобелевский лауреат оказался прав. Мировая торговля восстановила свои объемы к 2011 году, но промышленность впала в стагнацию. Особенно длительная рецессия наблюдается в странах ЕС. В мире сократилась доля среднего класса – основного потребителя товаров и услуг. Зато выросла доля 1 % самых состоятельных людей планеты: в их руках сосредоточилось свыше половины мировых богатств. Угрызения совести эту категорию людей не мучат. В этом отношении современный капитализм ничем не отличается от своего предшественника в XIX веке. А вот что написал известный в мире финансовый спекулянт и миллиардер Джордж Сорос: «В качестве анонимного участника финансовых рын-

ков мне никогда не приходилось оценивать социальных последствий своих действий. Я сознавал, что при определенных обстоятельствах эти последствия могут оказаться пагубными, но я оправдывал себя тем, что играю по правилам конкурентной игры, и если бы я налагал на себя дополнительные ограничения, то проигрывал бы. Более того, я понимал, что мои угрызения совести ничего не изменят в реальном мире, учитывая преобладание на финансовых рынках эффективной или почти совершенной конкуренции; если бы я перестал действовать, кто-то занял бы мое место. Решая вопрос, какие акции или валюты купить или продать, я руководствовался лишь одним соображением: максимизировать свою прибыль...»

Мировые экономические кризисы опасны не только своими негативными социальными последствиями. Нередко они становятся прологом к войне. Великая депрессия привела к радикализации общества во многих странах. Вследствие этого в Германии пришли к власти нацисты, которые развязали Вторую мировую войну. Кризис 2008 года привел к возрастанию нестабильности на планете. Вспыхнули беспорядки в странах Арабской дуги, что привело к падению правительств в ряде из них. Несколько лет тянется гражданская война в Ливии и Сирии. В 2014 году полыхнуло в Украине... Не следует думать, что все эти события произошли сами по себе. Они были хорошо спланированы и срежиссированы из-за рубежа. Война за пределами своих границ – хороший способ оттянуть внимание общественности от внутренних проблем. Одновременно это борьба за влияние и ресурсы. Война помогает справиться с экономическим кризисом – вспомним Великую депрессию! – и вообще является делом очень выгодным. Вот что пишет по этому поводу канадская журналистка Наоми Кляйн в своей книге «Доктрина шока»: «...Это особенность эпохи после 11 сентября (2001 года. – Авт.): ранее войны и бедствия открывали возможности перед узким сектором экономики – скажем, для производства истребителей или строительных компаний, которые восстанавливают мосты после бомбежки. При этом экономическая роль войны сводилась, прежде всего, к тому, что она позволяла открывать новые рын-

ки, которые раньше были недоступны, и создавать повышенный спрос на продукцию при восстановлении мира. Теперь же война и бедствие целиком и полностью приватизированы – настолько, что сами становятся новым рынком, и уже не нужно дожидаться окончания войны для роста спроса... Как заметил один аналитик, говоря об особенно удачном для доходов энергетической компании Halliburton квартале: «Ирак превзошел наши ожидания». Это было сказано в октябре 2006 года, в самый ужасный месяц войны, когда зарегистрированные потери среди гражданского населения Ирака составили 3709 человек. И, тем не менее, акционеры должны были высоко оценить эту войну, которая принесла одной-единственной компании доход в 20 миллиардов долларов».

Далее Н. Кляйн замечает: «...Содержание вооруженных сил США сегодня стало индустрией сервиса с самыми быстрыми темпами роста во всем мире».

Мог ли мировой кризис не задеть Беларусь? Однозначно нет. По классическому определению, наша страна является малой открытой экономикой с экспортно ориентированным производством. Проще говоря, она в сильной степени зависит от состояния рынков сбыта белорусской продукции. Их сокращение или, как пишут в специальной литературе, сжатие немедленно сказывается на доходах предприятий и государства. С первой волной мирового кризиса нашей экономике удалось справиться. Белорусские банки не участвовали в финансовых спекуляциях на Западе, поэтому не пострадали. Рынок ценных бумаг в Беларуси находится в зачаточном состоянии, падать там нечему. Девальвация национальной валюты 2011 года была вызвана скорее внутренними причинами, чем внешними. Это подтверждает и официальная статистика. В 2010 году белорусский ВВП вырос на 7,7 %, в 2011 – на 5,5, в 2012 – на 1,7, наконец, в 2014 году – на 1,6 %. Весьма неплохие результаты на фоне пребывавших в состоянии стагнации экономик развитых стран. Но в 2014 году случился конфликт в Украине, за которым последовали санкции Запада в отношении России. Одновременно экономику нашего восточного соседа догнали последствия мирового экономического кризиса в виде падения цен на энергоносители. Два круп-

нейших рынка сбыта белорусской продукции – Россия и Украина – одновременно сжались. В результате наш экспорт сократился, а вместе с ним и ВВП страны. Соответственно снизились реальные доходы населения, в два раза выросла безработица. Правда, ее уровень – 1 % от экономически активной доли населения – у западного экономиста вызовет улыбку. Там о таких показателях даже не мечтают.

Как бы то ни было, но ситуация в Беларуси, как и в других странах Евразийского экономического союза, вызывает тревогу. В связи с этим остро встает вопрос: что делать?

Точка бифуркации

20 октября 2015 года у Президента Республики Беларусь состоялось совещание по актуальным вопросам развития страны. На нем глава государства не скрывал сложности ситуации. «Впереди нас ждут серьезные испытания, – предупредил он. – Необходимо обеспечить не только дальнейшее развитие, но и сохранение суверенной независимой страны, которую мы с вами создали».

Александр Лукашенко констатировал, что в обществе накоплена большая критическая масса ожиданий, не удовлетворить которые власть не имеет права. Люди ждут изменений к лучшему. Ответ на проблемы, по мнению главы государства, простой: «Надо произвести продукции как можно больше и продать ее по максимальной цене. Деньги вернуть в страну». Остановившись на теме реформ в экономике, глава государства подчеркнул, что они будут направлены на совершенствование уже существующего, а не его ломку. «Это вовсе не значит, что мы остановимся и застынем, – сказал Президент. – Система только тогда способна жить и выживать, если она постоянно находится в движении и совершенствуется».

– Новому правительству будет тяжело в следующей пятилетке, – считает доктор экономических наук, профессор, академик Национальной академии наук Республики Беларусь Петр Никитенко. – Придется много менять, совершенствовать. Главный вопрос – это функционирование экономической системы государства и модели ее развития. По этому критерию и будут

оценивать нашу деятельность. Если экономика задыхается, если идут кризисы, накапливаются противоречия, если человеку не становится лучше, значит, что-то не так в системе. Из этого, однако, не следует, что нужно «кричать гвалтом». Следует спокойно сесть и сказать юристам и экономистам: «Меняйте законы, меняйте или совершенствуйте правила. У нас есть государственные политические ориентиры, задачи белорусской модели развития. А они научно обоснованы и определены главой нашего государства и подтверждены практикой».

По мнению Петра Никитенко, в Беларуси немало упущений нормативно-правового характера, которые, с одной стороны, не учитывают воздействия внешних негативных факторов глобального рынка, непрерывно идущей силовой и холодной информационной и интеллектуальной войны, с другой – сдерживают инициативу людей и позволяют отдельным субъектам экономики извлекать максимальную денежную прибыль, пренебрегая при этом интересами государства и трудящихся.

– Президент говорит: финансовая система должна работать на экономику, чтобы банки не жировали на неподъемных процентах, – замечает ученый. – Но наши банки не волнуют эффективность производства и его развитие. Они заинтересованы в получении большой и быстрой денежной прибыли. Почему так происходит? Да потому, что банки перенимают на Западе, в Международных банковских структурах их правила игры. Мир бездумно гонится за прибылью. Этим пронизано все. Деньги, прибыль, конечно, нужны и важны, но не стоит забывать, что это средство, а не цель. Перед нашей страной и миром сейчас стоит куда более актуальная задача – сохранить природу и самого человека на нашей планете, обеспечить качественный динамичный рост ВВП и его справедливое распределение по труду. Это и есть главная наша проблема.

Уместно вспомнить, что над проблемой улучшения делового климата страны правительство Беларуси работает уже не первый год и добилось многого. Свидетельство тому – постоянное движение вверх нашего государства в рейтинге Всемирного банка Doing Business. В 2015 году мы заняли по этому показателю 44-е место в

списке из 172 стран. В 2014-м у нас было 57-е место, в 2013-м – 63-е. Однако не стоит преувеличивать значение подъема рейтинга. Все-таки впереди нас 43 страны, среди которых ряд постсоветских. И не факт, что иностранный инвестор, выбирая место приложения капитала, остановится на Беларуси, а не на тех странах. К тому же надеяться, будто западные инвестиции помогут нам справиться с трудностями и выведут на новый технологический уровень, по меньшей мере, наивно. Глобальный мир не любит конкурентов. За рынок идет борьба, причем не только между развитыми и развивающимися странами. В море бушующего кризиса каждый сам по себе. Свидетельство тому – программа «новой индустриализации Америки» Барака Обамы и так называемый «План Юнкера» Европейского союза. Последний представляет собой масштабную программу возвращения европейской экономики к росту через новые инвестиции. В нее, главным образом в инфраструктуру, за три года намечено влить 315 млрд евро. Это очень значительные даже по европейским масштабам средства. В случае успеха названных программ США и развитые страны ЕС могут совершить технологический рывок, далеко опередив в своем развитии государства Азии и Восточной Европы.

– Вероятно, скоро мы увидим распад глобального рынка на макрорегиональные рынки, – считает Михаил Делягин, доктор экономических наук, директор российского Института проблем глобализации. – Уже сейчас заметно движение в эту сторону. США стараются добиться транстихоокеанского партнерства. Смысл его в том, чтобы оторвать от Китая экономики, которые с ним тесно связаны, забрать их себе и включить в свой макрорегион. Аналогичные действия предпринимают США и в отношении ЕС. Зоны свободной торговли с ним, которую лоббируют США, европейская экономика гарантированно не выдержит. Это не означает, однако, что данные проекты осуществятся, но они являются магистральным направлением сегодняшней и завтрашней американской политики. Президенты смеются, а направление останется.

ЕАЭС как раз и является попыткой части постсоветских стран ответить на вызовы времени путем создания собственного макрорегионального рынка. Союз работает,

но, к сожалению, не так эффективно, как хотелось бы. Много трудностей, причем не столько объективного, сколько субъективного характера. Есть проблемы в управлении ЕАЭС, существуют разногласия между входящими в него странами, что проявляется в периодически вспыхивающих торговых «войнах». ЕАЭС – очень молодое образование, которому требуется время на «притирку характеров». Беда только в том, что времени на это у сообщества совсем мало, если оно вообще есть.

Одним из путей, который поможет экономикам стран ЕАЭС успешно противостоять Великой рецессии, по мнению М. Делягина, может стать масштабная модернизация России. В этом случае, считает ученый, мы просто не заметим, как мир сорвется в глобальную рецессию. Объем работ будет таков, что, по выражению ученого, нам не будет хватать песка, щебня и гравия, не говоря о людях. Деньги будут эмитироваться, как это положено при проектом финансировании. Инфляция будет возникать лишь из-за трения системы, локального монополизма и коррупции. Их, естественно, придется сильно ограничить, чтобы не заблокировали процесс.

Идея, конечно, хорошая, но для ее проведения в жизнь требуется настойчивость и воля руководства России. Однако правительство этой страны неоднородно по взглядам на процессы, происходящие в экономике. Есть очень значительный либеральный блок, есть сторонники усиления присутствия в экономике государства. Хотя кризис 2008 года убедительно показал банкротство школы классического либерализма, его почитателей на постсоветском пространстве немало. Присутствуют они и в Беларуси. Это с их стороны сыплются предложения провести в стране масштабную приватизацию, закрыть «неэффективные» промышленные предприятия, а высвободившуюся рабочую силу направить в сферу услуг. И тогда, дескать, «невидимая рука рынка» сама сбалансирует происходящие в экономике процессы и выведет ее на небывало высокий уровень. Странно, однако, что эта «рука» не помогла в кризис тем государствам, которые послушно выполнили рекомендации либералов. Например, доля промышленности в ВВП Латвии была снижена с 30 % в 1990 году до 12 % в 2004. Поначалу экономика этой

страны успешно росла. Но случился кризис, и в 2009 году ВВП Латвии упал на 17,8 %. В 2008 году Латвия стала лидером среди государств ЕС по числу жителей, живущих за чертой бедности, – 26 % населения. И хотя в дальнейшем ситуация в стране отчасти выправилась, последствия кризиса ощущаются до сих пор.

По схожему сценарию развивались события и в Литве. Доля сферы услуг в ВВП к 2004 году выросла здесь до 65 %, промышленности – сократилась до 24 %. В 2009 году ВВП страны упал на 14,7 %. Фактически Литву от банкротства в те годы спасли масштабные финансовые вливания со стороны ЕС. В 2009–2010 годах они превысили 30 % всех бюджетных доходов. А ведь это государства, которые в Европейском союзе считаются благополучными. Что говорить о Болгарии, экономика которой в 2009 году просто рухнула и не может восстановиться до сих пор!

История экономических кризисов убедительно показывает: лучшие шансы преодолеть их последствия были у стран с развитой промышленностью, руководство которых обладало волей и желанием пойти на решительные меры. Порою они были, мягко говоря, неординарными. Например, в Великую депрессию правительство США заставило американцев сдать имеющееся у них золото. Ослушникам грозили тюремным сроком до 10 лет. В 1998 году правительство пораженной азиатским кризисом Южной Кореи обратилось к гражданам страны с призывом сдать золото добровольно. Корейцы собрали 250 т благородного металла, за которое им заплатили только спустя несколько лет.

Ничего похожего в Беларуси не наблюдается. По очень простой причине – нет необходимости. Проводимая в стране экономическая политика дала нам возможность подойти к трудным годам достаточно подготовленными. Модернизированы многие промышленные предприятия и даже целые отрасли, например сельское хозяйство и нефтепереработка. Успешно развивается фармацевтика, ИТ-сектор и ряд других высокотехнологичных производств, в частности, белорусский ВПК. Удалось заключить выгодные соглашения с мировым промышленным гигантом – Китаем. Однако не во всем мы успели, не все получилось. Помешал ряд причин. Одна из главных –

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Михаил ДЕЛЯГИН,
доктор экономических наук,
директор Института проблем
глобализации (Россия):

– Беларусь обладает развитой промышленностью, передовой инженерной мыслью, хорошим управленческим персоналом, который не коррупционен, а это большая редкость не только на постсоветском пространстве, но в значительной части мира вообще. Если в России начнется модернизация, то все, что есть в Беларуси, окажется в величайшем дефиците, за это начнется драка. У нас будет не хватать всего: начиная от грузовиков и кончая инженерами. Однако если модернизация в России не произойдет, то это останется неостребованным. Поэтому стратегической задачей Беларуси является принуждение России к модернизации.

Как это сделать? Если рассматривать масштабы экономик, то Беларусь и Россия несопоставимы. Но Беларусь имеет влияние на Россию как в части примера неразрушенных ресурсов, так и в части устоявшихся давних человеческих контактов, которые не сопоставимы ни с экономическим потенциалом, ни с численностью населения. Поэтому, когда я говорю «принуждение к модернизации», это не то, что обязательно получится, но то, что теоретически может получиться.

Каждому из нас необходимо использовать ресурс, который у него есть. Говорить о том, что Беларуси не нужно развивать промышленность, это такая же глупость, как утверждать, что России не нужно наращивать добычу нефти и газа. Но в сегодняшнем мире мы переживаем переход к новому этапу, когда производство само по себе и относительная рентабельность и его выгоды снижаются. Главные доходы – это дизайн и технологии. Мало придумать качественно новые вещи, нужно еще заставить людей их потреблять. Чтобы создать новую потребность, нужно умение управлять людьми. У нас сейчас нет таких технологий и вряд ли они появятся. Поэтому есть другие варианты.

В рамках советского ВПК, который был полностью нерыночной системой, создано огромное количество самых странных технологий, которые были сверхпроизводительными, дешевыми, простыми до примитивности и при этом работали. Большинство их не было доведено до готовности. Технологии эти сегодня лежат брошенными. Часть канула вместе с их создателями, часть попала в руки всевозможных мошенников, часть как-то развивается. Это огромный пласт, освоение которого позволило бы не только качественно снизить издержки и повысить прибыль, но изменить технологическую картину мира. Ведь что такое распад глобального рынка на макрорегиональные? Это значит, что масштаб каждого такого рынка резко сократится. Многие технологии, в том числе технологии жизнеобеспечения, уже уперлись в порог. Они очень дороги, очень сложны и требуют для своего развития всего имеющегося глобального рынка. Но этот рынок сжимается, потому что беднеет средний класс – это следствие кризиса. Соответственно в перспективе эти технологии начнут погибать, потому что в рамках рыночной парадигмы у них не будет потребителей в количестве, достаточном для их развития. Распад рынка на макрорегионы усугубит эту проблему. Часть макрорегионов не будет иметь достаточного количества потребителей для того, чтобы эти технологии воспроизводить.

Технологии ВПК могут отчасти решить эти проблемы. Я сталкивался с ними в строительстве, медицине, педагогике. Это действительно клондайк, разработкой которого не занимался никто и, по большому счету, сделать это можно только на государственном уровне. Мне неизвестно другое государство, кроме Беларуси, которое, с одной стороны, было бы достаточно открытым, чтобы эти технологии вобрать, изучить, вычленив нужные и коммерциализировать их, а с другой – обладало бы доверием, которое к нему бы испытывали, и, самое главное, достаточной волей и необходимыми для этого кадрами. Когда я говорил об этом 5–10 лет назад, мне отвечали: «Сейчас откроется технопарк, и все будет». Вот в этом и состоит одна из проблем советской системы управления. Люди могут стоять по колено в золотых самородках и говорить, что собирать их нельзя, нужно сначала провести геологоразведку. Это вообще-то правильно, но не для сегодняшней ситуации. Эта возможность развития Беларуси, на мой взгляд, сегодня недооценивается.

отсутствие возможности кредитоваться на Западе из-за введенных США и ЕС санкций. Недавно их отменили. Это открывает новые горизонты.

К сожалению, успешный рост нашей экономики в предыдущие годы расслабил часть общества. Возникла иллюзия, будто так будет всегда. Организации и органы управления обросли бюрократическим и прочим «жирком», которого не наблюдалось в 1990-е годы, когда ситуация в стране была в разы хуже и от исполнителя требовался результат, а не удачно сочиненная бумажка, призванная прикрыть нежелание что-либо делать. На эти недостатки неоднократно обращал внимания глава государства. Им были подписаны указы и директивы, направленные на борьбу с негативными явлениями. Но полностью справиться с ними не удалось.

– На наших предприятиях и в организациях есть тунеядцы и паразиты, – рассуждает Петр Никитенко. – И вот эти тунеядцы и паразиты нередко живут очень неплохо. Получается, что одни корячатся, а другие жируют за счет инициативных, добросовестных и творческих людей. А экономического кризиса в стране нет. Он – в наших головах, в нашем мировоззрении и идеологии. Мы не осознаем того, что живем в сложной, противоречивой мировой системе капиталистических и докапиталистических производственных отношений. Государственная «лодка» Беларусь находится под давлением таких внешних сил, что только умелый и опытный капитан способен вести ее в шторм, естественно, при поддержке команды единомышленников. Мы обязаны учиться у нашего главы государства жить своим умом-разумом, эффективно использовать наше отечественное богатство.

Ситуацию, в которой находится сегодня Беларусь, можно назвать точкой бифуркации. Этот термин из неравновесной термодинамики и синергетики означает смену установившегося режима работы системы. Он активно используется в истории, политических науках и даже в искусстве. Сама бифуркация – это приобретение нового качества в движении динамической системы при малом изменении ее параметров. Очень похоже на то, что нужно сегодня экономике Беларуси.

Анатолий ДРОЗДОВ ■